

мой слухъ. Точно, это была пѣсня, и женскій свѣжій голосокъ—но откуда?.. Прислушиваюсь: напѣвъ стройный—то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь—никого нѣтъ кругомъ; прислушиваюсь снова—звуки какъ будто падаютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными косами, настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ лучей солнца, она пристально всматривалась въ даль, то смѣялась и разсуждала сама съ собою, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

Какъ по вольной волонкѣ—
По зелену морю,
Ходятъ все кораблики
Бѣлопарусники.
Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка не снащена,
Двухвесельная.
Буря ль разыграется—
Старые кораблики
Приподмутъ крышечки,
По морю разметутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
„Ужъ не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везетъ моя лодочка
Вещи драгоценныя,
Править ею въ темну ночь
Буйная головушка“.

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, дѣвушки тамъ не было. Вдругъ она пробѣжала мимо меня, напѣвая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбѣжала къ старухѣ, и тутъ начался между ними споръ. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вотъ вижу, бѣжитъ опять въ припрыжку моя Ундина; поровнявшись со мной, остановилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, какъ будто удивленная моимъ присутствіемъ; потомъ небрежно обернулась и тихо пошла къ пристани. Этимъ не кончилось: цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры; пѣнь и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія; напротивъ, глаза ея съ бойкою проницательностью останавливались на мнѣ, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякій разъ они какъ будто бы ждали вопроса. Но только я начиналъ говорить, она убѣжала, коварно улыбаясь.

Рѣшительно я никогда подобной женщины не видывалъ. Она была далеко не красавица, но я имѣю свои предубѣжденія также и насчетъ красоты. Въ ней было много пороковъ... порода въ женщинахъ, какъ и въ

лошадяхъ, великое дѣло: это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т. е. порода, а не юная Франція, большую частью изображается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно ность очень много значить. Правильный ность въ Россіи рѣже маленькой ножки. Моей пѣвунѣ казалось не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея станна, особенное, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно правильный ность—все это было для меня обворожительно. Хотя въ ея косвенныхъ взглядахъ я читалъ что-то дикое и подозрительное, хотя въ ея улыбкѣ было что-то неопредѣленное, но такова сила предубѣждений: правильный ность свелъ меня съ ума; я вообразилъ, что напешетъ Гетеву Миньйону—это причудливое созданіе его нѣмецкаго воображенія; и точно, между ними было много сходства: тѣ же быстрые переходы отъ величайшаго безпокойства къ полной неподвижности, тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки, странныя пѣсни...

Подъ вечеръ, остановивъ ее въ дѣсяхъ, я завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

— Скажи-ка мнѣ, красавица, — спросилъ я: — что ты дѣлала сегодня на кровлѣ? — А смотрѣла, откуда вѣтеръ дуетъ. — Зачѣмъ тебѣ? — Откуда вѣтеръ, откуда и счастье. — Что же? развѣ ты пѣсней зывала счастье? — Гдѣ поется, тамъ и счастливится. — А какъ неравно напоешь себя горе? — Ну что жъ? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять не далеко. — Кто жъ тебя выучилъ этой пѣснѣ? — Никто не выучилъ, вздумается — запою; кому услышать, тотъ услышитъ; а кому не должно слышать, тотъ не пойметъ. — А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья? — Кто крестилъ, тотъ знаетъ. — А кто крестилъ? — Почему я знаю. — Экая скрытная! А вотъ я кое-что про тебя узналъ (она не измѣнилась въ лицѣ, не пошевелила губами, какъ будто не объ ней дѣло). Я узналъ, что ты вчера ночью ходила на берегъ. — И тутъ я очень важно пересказалъ ей все, что видѣлъ, думая смутить ее; нимало! Она захохотала во все горло. — Много видѣли, да мало знаете; а что знаете, такъ держите подъ замочкомъ. — А если бы я, напримѣръ, вздумалъ донести коменданту? — и тутъ я сдѣлалъ очень серьезную, даже строгую мину. Она вдругъ прыгнула зашла и скрылась, какъ птичка, выпугнутая изъ кустарника. Последнія слова мои, были вовсе не у мѣста; я тогда не подозревалъ ихъ важности, но впоследствии имѣлъ случай въ нихъ раскаяться.

Только что смерклось, я велѣлъ казаку